

**Потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’
в роли показателей ассоциативной множественности
в новоиндийских языках:
распространение и грамматическое развитие**

© 2021

Евгения Алексеевна Ренковская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия; jennyrenk@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена показателям ассоциативной множественности в новоиндийских языках, восходящим к древнеиндийскому *apara* ‘другой’. Ассоциативная множественность как грамматическое явление в новоиндийских языках практически не изучалась, при этом формы такого типа множественности представлены во многих из них. В большом количестве случаев маркерами такого типа множественности выступают рефлексy древнеиндийского слова *apara* ‘другой’, присоединяющиеся постпозитивно к имени. Интересной особенностью данных маркеров является то, что во многих языках они под влиянием разного рода факторов, среди которых не последнюю роль играют контакты с неиндоарийскими языками, утрачивают изначальную функцию и приобретают другое грамматическое значение.

Ключевые слова: ассоциативная множественность, вежливость, грамматикализация, детерминация, индоарийские языки, посессивность, число, языковые контакты

Благодарности: Данное исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00355 «Исследование языка куллуи на основе корпуса устных текстов» (2019–2021 гг.).

Для цитирования: Ренковская Е. А. Потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’ в роли показателей ассоциативной множественности в новоиндийских языках: распространение и грамматическое развитие. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 81–97.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.81-97

**Descendants of Old Indo-Aryan *apara* ‘other’
as associative plural markers in the New Indo-Aryan languages:
Distribution and grammatical development**

Evgeniya A. Renkovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; jennyrenk@gmail.com

Abstract: The paper deals with associative plurals in New Indo-Aryan languages, which are found in many of these languages, but have not been studied in detail. Associative plural markers in many New Indo-Aryan languages go back to the Old Indo-Aryan *apara* ‘other’. An interesting feature of these markers is that, in many languages, under the influence of various kinds of factors, they lose their original function and acquire a different grammatical meaning. Among these factors contacts with non-Indo-Aryan languages play a significant role.

Keywords: associative plural, determination, grammaticalization, Indo-Aryan, language contacts, number, politeness, possession

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00355.

For citation: Renkovskaya E. A. Descendants of Old Indo-Aryan *apara* ‘other’ as associative plural markers in the New Indo-Aryan languages: Distribution and grammatical development. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 81–97.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.81-97

Введение

В статье рассматриваются когнаты — потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’, которые в новоиндийских языках грамматикализировались в показатели ассоциативной множественности, а затем во многих случаях получили дальнейшее развитие в другие грамматические единицы. Сама по себе ассоциативная множественность в новоиндийских языках подробно практически не изучалась, за исключением отдельных работ по бенгали [Biswas 2014; Dayal 2014 и др.]. Унаследованная со времен среднеиндийского состояния плюральная флексия в современных языках может выражать только аддитивную множественность, тогда как маркирование ассоциативной множественности осуществляется при помощи аффиксов или аналитических показателей.

Ассоциативная множественность является одним из типов репрезентативной (неоднородной) множественности, существующей наряду с аддитивной (однородной); как типологическое явление она была наиболее подробно описана в [Corbett, Mithun 1996; Corbett 2000; Даниэль 2000; Moravcsik 2003; Daniel, Moravcsik 2005; 2013; Mauri, Sansò 2018 и др.]. Под аддитивной множественностью понимается референция к множеству, элементы которого коммуникативно однородны, а именно, аддитивная форма имени X обозначает множество, состоящее из объектов, каждый из которых является референтом имени X, т. е. $X + X + X \dots$, например *собаки*, *столы* и т. п. Репрезентативная множественность — это такая множественная референция, при которой эксплицитно называется только один элемент множества и по нему определяется все множество в целом. Таким образом, форма репрезентативной множественности имени X обозначает множество, в которое входит референт имени X и другие связанные с ним или подобные ему элементы. Репрезентативная множественность в свою очередь подразделяется на ассоциативную и симилиативную. Симилиативная множественность определяет множество, элементы которого объединяются в открытые классы объектов, связанные между собой исключительно абстрактными отношениями сходства, ср. думи (< тибето-бирманские) *dza:-mil* (рис-PL) ‘рис и подобные продукты’ [van Driem 1993: 61]. При ассоциативной множественности элементы множества образуют устойчивую замкнутую совокупность, объединенную внутренними связями элементов между собой, как, например, в турецком *Ahmet-ler* (Ахмет-PL) ‘Ахмет и члены его семьи / друзья / спутники’.

Потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’ в качестве маркеров ассоциативной множественности в новоиндийских языках рассматриваются в данной работе впервые. Во всех известных случаях они присоединяются постпозитивно к имени и омонимичны или имеют формальное сходство с существующими в языках местоимениями со значением ‘другой’. Во многих языках такие показатели совпадают с формой мн. ч. местоимения ‘другой’ (современной или архаичной), если в языке формы единственного и множественного числа местоимения различаются. Предположительно, в определенный исторический момент развития ассоциативная форма в индийских языках имела вид ‘X ДРУГИЕ’, при этом ни в древнеиндийском, ни в среднеиндийских языках подобной функции у *apara* и его когнатов не зафиксировано. В ряде новоиндийских языков местоимение ‘другой’,

произошедшее от *apara*, омонимично или имеет формальное сходство с наречием ‘еще’ и сочинительным союзом ‘и’, при этом источником грамматикализации показателей ассоциативной множественности следует считать именно местоимение ввиду наличия в некоторых языках плюральных форм местоимения и совпадения показателей именно с ними (см. разделы 1.4, 1.6). В рамках данной работы мы не ставим перед собой цель проследить путь грамматикализации показателей напрямую из древнеиндийского состояния, а основываемся на существующей в современных новоиндийских языках омонимии показателей с местоимениями ‘другой’. При этом тот факт, что древнеиндийское *apara* послужило источником для местоимений ‘другой’ во многих новоиндийских языках, равно как и историко-фонетические процессы, легшие в основу преобразования, были подробно исследованы на протяжении XX в., см. [Woolner 1928: 14; Gonda 1954: 184; Bloch 1965: 70, 186; Turner 1962–1985: 20, № 434; Masica 1991: 190 и др.], и мы на этом останавливаться не будем. Основная задача данной работы заключается в том, чтобы выявить в современных новоиндийских языках грамматикализованные рефлексy *apara*, которые являются или предположительно исходно являлись показателями ассоциативной множественности, и проследить, а также, по возможности, объяснить пути грамматикализации этих показателей в другие единицы.

Если происхождение показателей ассоциативной множественности в языках мира изучается в последние годы подробно, то развитие самих этих показателей в другие грамматические единицы, насколько нам известно, остается неисследованной областью. И новоиндийские языки в этом отношении представляют интересный материал для исследования. Показатели ассоциативной множественности, восходящие к древнеиндийскому местоимению *apara* ‘другой’, и производные от них засвидетельствованы в большом количестве новоиндийских языков, а именно в гархвали, кумаони, непали, куллуи, бхадравахы, панджаби, лахнда и его диалектах, чхаттисгархи и его диалектах, садри, раджастан (мальви), каннауджи. В основу настоящей работы легли наши полевые материалы, а также данные грамматических описаний. Описания некоторых языков при этом достаточно фрагментарны и позволяют только сделать некоторые выводы в отношении рассматриваемых в работе показателей, но не получить исчерпывающий анализ.

1. Показатели ассоциативной множественности (< др.-инд. *apara* ‘другой’) и их производные в новоиндийских языках

1.1. Гархвали

Наличие показателей, восходящих к древнеиндийскому *apara* ‘другой’, которые, как мы предполагаем, имеют или изначально имели ассоциативную функцию, отмечается во всех языках группы пахари¹. Так, в грамматике гархвали [Bhatt 2007: 46] приводятся показатели *ɔr* и *jɔɔr*, которые, как указывается в работе, употребляются постпозитивно с терминами родства. Судя по примерам и их переводу в работе, речь в данном случае идет об ассоциативной множественности, ср. *bābā ɔr* ‘отец и другие’, *kākī ɔr* ‘тетя и другие’, *sasur jɔɔr* ‘свекор и другие’. Маркер ассоциативной множественности в гархвали омонимичен местоимению *ɔr* ‘другой, другие, еще’ и сочинительному союзу (оба — рефлексy др.-инд. *apara*). Вариант *jɔɔr* представляет собой сочетание гонорифической частицы *jī* (< др.-инд.

¹ Аргументы в пользу выделения группы пахари, включающей гархвали, кумаони и непали и не охватывающей языки химачали, приводятся в [Joshi, Negi 1994; Joshi 2009; 2010].

jīva ‘живущий’), обязательной для некоторых терминов родства в пахари, и следующего за ней показателя *sr*. Интересно, что исходя из краткого описания, которое приводит для данных сочетаний автор работы, они обозначают не только множественность, но и уважительность. Однако детальное описание того, как именно выражается уважительность посредством ассоциативных форм (в частности, сохраняется ли семантика множественности), отсутствует.

1.2. Кумаони

В грамматическом очерке кумаони [Upreti 1976: 105–106], где за основу берется диалект сорьяли, ареал распространения которого непосредственно граничит с территорией Непала, упоминается плюральный аффикс, образующий формы мн. ч. от терминов родства, ср. *dādā-hor* ‘старшие братья’, *kākā-hor* ‘дяди’, *kākhi-hor* ‘тети’. Данный показатель в кумаони близок по форме к местоимению *sr* ~ *hcr*² ‘другой, другие, еще’ и сочинительному союзу, которые являются рефлексам др.-инд. *apara*. Других сведений об этом показателе, кроме тех, что приведены выше, в данном грамматическом описании не приводится, поэтому сложно судить о его реальных функциях, однако можно констатировать наличие в кумаони рефлекса *apara* с близкой к ассоциативной множественности функциональностью.

1.3. Непали

Если в гархвали и кумаони показатель — рефлекс *apara* имеет ограниченную сочетаемость, употребляясь с терминами родства в значении ассоциативной множественности или близком к ней, то в непали грамматическое развитие этого показателя идет сильно дальше. Еще начиная с конца XIX в. индологов интересовала этимология плюрального аффикса *-harū* в непали, относительно нее высказывались различные гипотезы, например

< апабхр. GEN.SG *he-ha* (< др.-инд. *syā*) + н.-инд. GEN *keru* (< пракр. *kerako*) [Kellogg 1876/1955: 128];

< др.-инд. *sarva* ‘весь’ + *rūpa* ‘форма’ [Srivastava 1962: 90];

< др.-инд. *sarva* ‘весь’ [Masica 1991: 229]

и другие.

При этом для непали фонетический переход *s > h* нехарактерен, и рефлексом др.-инд. *sarva* является местоимение *sab* ‘все’. Неубедительна и гипотеза в работе Келлога: предложенное сочетание двух генитивных показателей более нигде в индийских языках не фиксируется, и непонятно, каким образом оно могло трансформироваться в плюральный аффикс.

Наиболее правдоподобной, на наш взгляд, представляется гипотеза [Turnbull 1923/1992: 27], где *-harū* возводится к местоимению *arū* ‘другой, другие, еще’ (< др.-инд. *apara*). В обоснование данной гипотезы можно привести следующий довод: плюральный маркер *-harū*

² Появление протетического *h*, согласно [Bloch 1965: 70], характерно для некоторых слов новоиндийских языков (среди которых отмечается большое количество функциональных слов и, в частности, потомки др.-инд. *apara*). Разница в гласном *o* может быть объяснена как фонетическим развитием при грамматикализации, так и тем, что в большинстве хиндиязычных грамматических описаний система фонетического представления не развита, и для записи *o* в кумаони чаще используется знак деванагари *au*, но иногда и *o*.

в непали маркирует не только аддитивную, но и репрезентативную множественность, ср. примеры из [Schmidt 1993: 796; Genetti 1994: 14]:

- аддитивная множественность: *kalam-harū* ‘ручки’, *mānche-harū* ‘люди’;
- ассоциативная множественность: *Rām-harū* ‘Рам и его люди (родственники, друзья и др.)’, *āmā-harū* ‘мать и другие родственники в ее доме’;
- симулятивная множественность: *kalam-harū* ‘ручки, карандаши и другие подобные предметы’, *phalphul-harū* ‘фрукты и аналогичные продукты’.

Если сравнить материал языков гархвали и кумаони, генетически наиболее близких к непали, то можно предположить, что изначальный маркер ассоциативной множественности в непали развился в показатель стандартного множественного числа. Более того, мы полагаем, что такое развитие произошло под влиянием соседствующих с непали многочисленных тибето-бирманских языков. На основании современных исследований в области эпиграфики (надписи на медных пластинах и камне, найденные на территориях Гархвала, Кумаона и Непала) высказываются предположения, что языки гархвали, кумаони и непали разошлись не ранее XVII в. [Joshi 2010: 60–61]. При этом, в отличие от своих близкородственных идиомов, непали обладает большим количеством грамматических черт, сближающих его с восточными новоиндийскими языками (согласно морфологической классификации [Зиграф 1976]), находящимися в постоянном контакте с неиндоарийскими (тибето-бирманскими и мунда) языками и стремящимися к большей агглютинации. Кумаони и гархвали же по грамматическому устройству относятся к западным языкам, контакты которых с представителями других языковых семей минимальны. Так, для непали характерны практическая утрата категории рода, наличие счетных классификаторов, «размытость» эргативной конструкции и, в частности, агглютинативный показатель мн. ч. вместо флексии: все это отсутствует в двух остальных языках группы пахари и в принципе нехарактерно для западных новоиндийских языков, зато крайне распространено в восточных. Столь значительная грамматическая разница между языками, разошедшимися сравнительно недавно в исторической перспективе, может быть объяснена сильным контактным влиянием тибето-бирманских языков. О контактном влиянии тибето-бирманских на грамматику непали говорится еще в [Grierson 1916: 26], конкретные грамматические явления, появившиеся в непали под влиянием тибето-бирманских, обсуждаются в [Bendix 1974; Bickel 2001; Allasonnière-Tang, Kilarski 2020 и др.]. Новые агглютинативные показатели непали, насколько можно судить, в основной своей массе не заимствованы из тибето-бирманских языков, а возникли под их влиянием путем грамматикализации исконных лексических элементов. По нашей гипотезе, контактным влиянием тибето-бирманских языков могут быть объяснены, во-первых, практическая утрата флексивного выражения числа в непали и потребность в агглютинативном показателе, а во-вторых, развитие в плюралный аффикс бывшего показателя ассоциативной множественности. Теоретически такое развитие могло возникнуть в языке и само по себе, однако ничего похожего не было отмечено в других новоиндийских языках. В кумаони и гархвали потомки *apara* в качестве показателей множественности зафиксированы только в сочетании с терминами родства. Более того, из всех работ по кумаони показатель *hor* упоминается только в одном грамматическом очерке [Upreti 1976], посвященном диалекту сорьяли, что говорит не в пользу его распространенности в языке. Малая частотность употребления потомков *apara* в сравнительно недавно разошедшихся с непали языках не сопоставима с широким распространением показателя-когната в непали. С другой стороны, потеря плюралной флексии и появление вместо нее агглютинативного показателя фиксируется не только в непали, но и в других индоарийских языках на территории Непала. Так, в языке данувар плюралный аффикс восходит к существительному *lok* ‘люди’ [Бхандари и др. 2011: 293], а в языках тхару и дараи — к местоимению *sab* ‘все’ [Бхандари, Чаудхари 2011: 312; Дхакал, Ядав 2011: 301]. С большой вероятностью плюралные показатели в этих языках также маркируют репрезентативную множественность, поскольку они встречаются

во многих новоиндийских языках в виде аналитических показателей, маркирующих оба типа множественности (см. раздел 2).

При этом если в новоиндийских языках выражение ассоциативной множественности встречается редко, то в тибето-бирманских языках оно крайне распространено. Более того, в большом числе тибето-бирманских языков, распространенных на территории Непала, показатель ассоциативной множественности совпадает с показателем аддитивной [Даниэль 2000: 36–37]. Такое свойство фиксируется в следующих языках (по данным [Даниэль 2000] и сайта WALS³): невари, магар, лимбу, чангьял, хаю, кулунг, белхаре, думи. В этой связи можно упомянуть также чинтанг [Schikowski 2013: 25] и якха [Schakow 2015: 124–125].

1.4. Куллуи

В северо-западных⁴ новоиндийских языках (куллуи, бхадравахи, панджаби и лахнда) показатели — рефлексy *apara* получают иное развитие. Основным семантическим компонентом таких показателей становится компонент уважительности, тогда как значение множественности часто отсутствует. Таким образом, рефлексy *apara*, бывшие изначально показателями ассоциативной множественности, преобразуются в гонорифические частицы. Глагольное согласование при сочетании имен с такими частицами идет по форме мужского рода мн. ч., и если для имен мужского рода это могло бы быть объяснено гонорифическим множественным числом предиката, то для имен женского рода это не может быть обосновано подобным образом, поскольку в таком случае ожидалось бы согласование по форме женского рода мн. ч. Обоснованием подобного согласования может служить то, что изначально данное сочетание обозначало более чем одного референта с невыраженной граммемой рода, и глагольное согласование по форме мужского рода мн. ч. в таком случае использовалось по умолчанию. Для сравнения: гонорифическая частица — потомок др.-инд. *jīva* (*jī* в панджаби, *dzi* в куллуи) на глагольное согласование не влияет.

В куллуи (группа химачали) гонорифическая частица *hora* совпадает с формой OBL.SG, но также и с архаичной формой мн. ч. местоимения *hor* ‘другой, еще’ (омонимичного сочинительному союзу) и имеет формы⁵ DIR/OBL *hora* и ERG *hore*, ср.:

Куллуи (полевые данные)

- (1) *rajiv gandhi hora bomb-a senge mar-u-e*
 Раджив Ганди NON.DIR бомба-OBL INSTR убить-PASS-PFV.M.PL
 ‘Раджив Ганди был убит бомбой’.
- (2) *mer-i bobo dzi hore kits bol-u mume*
 мой-F старшая_сестра NON NON.ERG что-то сказать-PFV.M я.DAT
 ‘Моя старшая сестра кое-что мне сказала’.

Как видно из приведенных примеров, семантика множественности у сочетаний с частицей *hora* отсутствует. Здесь стоит вспомнить о том, что в гархвали, ареально граничащем с химачали, у ассоциативных конструкций, грамматикализованных аналогичным образом, отмечалось наличие в семантике компонента уважительности. Можно предположить, что гонорифическая частица *hora* в куллуи изначально также была маркером ассоциативной множественности и тот факт, что развитие грамматического значения пошло в сторону

³ <https://wals.info/feature/36A#8/28.019/87.322>. Дата обращения — 26.08.2020.

⁴ В классификации Тернера, реконструированной в [Masica 1991: 454].

⁵ Для новоиндийских языков критерий неизменяемости служебных слов признается неприменимым [Зограф 1976: 26–27; Masica 1991: 212–216]. Одной из причин этого является тот факт, что многие аналитические показатели имеют формы рода, числа и падежа.

гонорифической частицы, а именно частицы, употребляющейся в основном только с личными именами существительными, также указывает на ассоциативную множественность, образование форм которой продуктивно именно от личных имен, см. [Даниэль 2000: 66].

1.5. Бхадравахи

Аналогичная с имеющейся в куллуи гонорифическая частица представлена также в другом языке группы химачали — бхадравахи. В кратком грамматическом очерке бхадравахи [Dwivedi 2015: 128, 142] встречается гонорифическая частица *ho:ri* (ERG), близкая по форме к местоимению *ho:ro* ‘другой’ и сочинительному союзу *horo*.

(3) БХАДРАВАХИ [Dwivedi 2015: 142]

ʃərma: ho:r-i sureʃ-e əp-n-i kuij-ero heʃ diʈto
 Шарма HON-ERG Суреш-OVL свой-F дочь-GEN рука дать.PST
 ‘Господин Шарма выдал свою дочь за Суреша’.

1.6. Панджаби

Сходная гонорифическая частица *hori* (OVL *horā*) отмечается и в панджаби [Bailey, Cummings 1925/1994: 292; Bahl 1975: 102], ср.:

ПАНДЖАБИ (полевые данные)

(4) *sureʃ jī hori ʃarīdābād ā-e han* Суреш HON HON.DIR Фаридабад прийти-PFV.M.PL COP.PRS.3PL ‘Господин Суреш приехал в Фаридабад’.

(5) *pitā jī horā ne saver dī gaḍḍī jā-nā hai* отец HON HON.OBL ERG утро GEN.F машина(F) идти-INF COP.PRS.3SG ‘Отец собирается ехать утреним поездом’.

В словаре языка панджаби [Singh 1895] вхождения *hori* и *horā* определяются как формы DIR.PL и OVL.PL от *hor* ‘другой’ и имеют следующий перевод: «Другие. Это слово является показателем уважительности, следующим за именами существительными и местоимениями и означающим что-то вроде ‘Его превосходительство’, ‘Ваша честь’»⁶. При этом если в современном панджаби местоимение ‘другой’ имеет вид *hor* (формы DIR.SG и DIR.PL), то еще в тексте Ади Грантха (XV–XVIII вв.) был распространен также вариант *hori* (DIR.PL) в значении ‘другие’ (ср. *hori āvahi jāvahi* ‘другие приходят и уходят’, Ади Грантх⁷, с. 950, строка 12). Поэтому в случае панджаби также имеет смысл говорить о том, что гонорифическая частица *hori* восходит к *apara* и изначально сочетания с постпозитивным потомком *apara* выражали ассоциативную множественность. В связи с этим можно привести интересное замечание, сделанное авторами грамматического описания панджаби [Bailey, Cummings 1925/1994: 349]: «Иногда *hori* указывает скорее не на конкретного человека, а на его семью. Особенно в тех случаях, когда это слово употребляется по отношению к младшему члену семьи. Так, *Kutbe horā dī jhoī* (Кутба *horā* GEN.F молодая_буйволица)

⁶ Оригинальный текст: «Others. This word is a suffix of respect, following both nouns and pronouns, meaning something like, His Excellency, Your Honour».

⁷ Источник текста — сайт <http://www.sriganth.org/servlet/gurbani.dictionary?Param=%E0%A8%B9%E0%A9%8B%E0%A8%B0%E0%A8%BF>. Дата обращения — 26.08.2020.

может обозначать и — если Кутба является одним из младших членов семьи — скорее всего, будет обозначать не буйволицу Кутбы, а буйволицу, принадлежащую семье Кутбы»⁸. Это замечание непосредственно указывает на то, что в панджаби у частицы *hori* сохранилась ее изначальная функция — маркирование ассоциативной множественности. Наши информанты также отмечали, что в современном панджаби *hori* может употребляться как в значении гонорифической частицы, так и в значении ‘и другие’.

1.7. Лахнда

Гонорифическая частица *hōrī* ~ *ōrī* (OVL *hōrā* ~ *ōrā*) засвидетельствована также в диалектах лахнда (Пакистан), а именно в южных диалектах шахпури (распространенном в округе Шахпур-доаб) и хиндки округа Дера-Гази-Хан, а также северо-восточном диалекте Соляного хребта [Grierson 1919: 440]. Частица близка по форме к местоимению ‘другой’ в шахпури (*hōr*) и диалекте Соляного хребта (*hōr*, OVL *hōrī*).

- (6) ЛАХНДА, ДИАЛЕКТ ШАХПУРИ [Grierson 1919: 275]

chārē kārī hōrā kōl gā-ē
четверо судья HON.OVL APUD идти-PST.M.PL

‘(Они) четверо пошли к достопочтимому судье’.

- (7) ЛАХНДА, ДИАЛЕКТ СОЛЯНОГО ХРЕБТА [Grierson 1919: 444]

nahī-tā kārī sāhib ōrā kōl jullō
иначе судья господин HON.OVL APUD идти.IMP.PL

‘Иначе пойдем к достопочтимому господину судье’.

В хиндки (Дера-Гази-Хан) частица была зафиксирована в составе уважительного местоимения 2 лица *āp-hōrī* ‘Ваша честь’ [Grierson 1919: 342].

Итак, мы можем предполагать, что в северо-западных новоиндийских языках (куллуи, бхадравах, панджаби и лахнда) произошло развитие показателей ассоциативной множественности, восходящих к древнеиндийскому местоимению *apara* ‘другой’, в гонорифические частицы.

1.8. Чхаттисгархи

Показатели — рефлексy *apara*, предположительно изначальнo маркирующие ассоциативную множественность, встречаются и в новоиндийских языках восточного ареала. Так, интересное грамматическое развитие постпозитивного когната местоимения ‘другой’ можно отметить в чхаттисгархи. В [Bloch 1965: 186] отмечается, что в чхаттисгархи *har* ‘другой’, потомок др.-инд. *apara*, употребляясь после имени, означает ‘другие’, но дальшее значение этого показателя развивается в определенный артикль. В грамматическом описании чхаттисгархи [Kavurpadhyaya 1921: 37–38, 41] показатель *-har*, стоящий после имени, описывается как маркер определенности, и автор работы отмечает, что подобный показатель определенности не встречается в других новоиндийских языках. При этом автор делает интересное замечание: в идиоме округа Джабалпур (территория штата Мадхья-Прадеш,

⁸ Оригинальный текст: «Sometimes *hori* has the effect suggesting someone's family instead of merely the person himself. This is especially the case if the word is used with a junior member of the family. Thus *Kutbe horā dī jhoī* may mean, and if Qutba is a junior member of the family, probably will mean, not Qutba's buffalo calf, but one belonging to Qutba's family».

граничащая со штатом Чхаттисгарх) имеется показатель *harē*, маркирующий гонорифическое множественное число, а также конструкцию ‘и другие’, ср. (8). Кроме того, в округе Самбалпур штата Орисса в смешанном диалекте чхаттисгархи и ория в значении ‘и другие’ употребляется слово *haran*, ср. (9). Также аффикс *-har(an)* приводится в [Masica 1991: 226] в качестве одного из маркеров мн. ч. в чхаттисгархи без дальнейшего описания.

Диалекты ЧХАТТИСГАРХИ [Kavyopadhyaya 1921: 41]

- (8) *didī harē āī-ī*
старшая сестра APL прийти.PFV-PST.PL
‘Пришли старшие сестры и другие’.

- (9) *baṛ'kā dadā haran*
большой брат APL
‘старший брат и другие’

Показатель *-har* в чхаттисгархи может присоединяться к широкому кругу имен, включая имена собственные и местоимения, в частности личные местоимения всех лиц и чисел. При этом присоединение *-har* возможно только в номинативе, ср.:

- (10) ЧХАТТИСГАРХИ (сайт «Bible for children»⁹)
svargdūt-har mariyam lā kah-is ki tor bahinī ke
ангел-DEF Мария DAT сказать-PST CONJ твой сестра GEN
laikā-har buṛhāpā mā hoy rah-is o-hu-har ek camatkār rahis
сын-DEF старость LOC быть COP.PST то-тоже-DEF один чудо COP.PST
‘Ангел сказал Марии: «У твоей сестры сын появился в старости, это тоже было чудо»’.

Выражение определенности отдельным показателем отмечается только в языках восточного ареала (бенгали, ория, ассамский и др.). В этих языках показатели определенности в основном происходят из счетных классификаторов [Masica 1986: 136; 1991: 250; Peterson 2010: 64; Biswas 2012: 19–20], которые, в свою очередь, появились в новоиндийских языках под влиянием контактных неиндоарийских языков (классификаторы не встречаются в других индоарийских языках, зато являются характерной чертой языков материковой части Юго-Восточной Азии [Masica 1991: 250]). Для основной массы новоиндийских языков выражение определенности отдельным показателем нехарактерно. При этом наличие отдельного показателя для обозначения определенности встречается во многих языках мунда, ареально соседствующих с новоиндийскими языками восточного ареала, к которым относится и чхаттисгархи. Таким образом, чхаттисгархи оказывается в окружении языков (мунда и индоарийских), в которых имеется отдельный постпозитивный показатель для выражения определенности, что создает условия для появления аналогичного показателя и в этом языке. Однако полноценного развития счетных классификаторов в чхаттисгархи не произошло, поэтому источником грамматикализации показателя определенности должен был стать другой элемент. И таким элементом, как мы предполагаем, стал маркер ассоциативной множественности. Остается понять, почему именно показатель ассоциативной множественности послужил источником подобного грамматического преобразования. В типологических работах, посвященных ассоциативной множественности, указывается, что определенность является обязательным свойством фокусного референта ассоциативных форм [Moravcsik 2003: 472; Vassilieva 2005: 7–9; Mauri, Sansò 2019: 603–604]. Форма ассоциативной множественности обозначает множество объектов, включающих эксплицированный фокусный референт и неэксплицированные референты, которые связаны с фокусным и образуют с ним устойчивую совокупность. Таким образом, неэксплицированные референты определяются по фокусному, причем заранее предполагается,

⁹ https://bibleforchildren.org/PDFs/chhattisgarhi/The_Birth_of_Jesus_Chhattisgarhi.pdf. Дата обращения — 26.08.2020.

что последний известен адресату. Поэтому такой референт обладает определенностью. Определенность, характерная для фокусного референта ассоциативных форм, могла послужить отправной точкой к развитию семантики определенности как основной у изначального показателя ассоциативной множественности. Кроме того, возможность утраты семантики множественности у ассоциативных конструкций доказывается распространенным переходом ассоциативного показателя в гонорифическую частицу.

1.9. Садри

Наличие показателя определенности *-har* отмечается в [Grierson 1903: 280] в территориально близком к чхаттисгархи языке садри: по мнению Гирсона, данный показатель заимствован в садри из чхаттисгархи. В текстовых примерах диалекта садри бывшего штата Джашпур (современный округ Райгарх штата Чхаттисгарх) *-har*, в отличие от чхаттисгархи, встречается с гораздо меньшей частотностью, как в номинативе, так и в других падежах, и применительно только к терминам родства [Grierson 1903: 293–298].

При этом, согласно более подробному анализу данного показателя в современном садри, осуществленному в [Peterson 2010: 62–64], показатель *-har* имеет другие функции и правила употребления и является маркером неотчуждаемой принадлежности. По утверждению автора, *-har* обозначает неотчуждаемого посессора 3 лица и может употребляться с определенным кругом существительных, к которым относятся термины родства, некоторые другие обозначения людей, как, например, *siŋgi* ‘друг’, а также части тела:

- (11) Садри [Peterson 2010: 63]

bhauji-har-man

невестка-3SG.INAL-PL

‘Его / ее невестки’.

Все эти факты говорят о том, что показатель *-har* в садри, скорее всего, не был заимствован из чхаттисгархи, а развивался самостоятельно. В [Peterson 2010] делается предположение, что маркер неотчуждаемой принадлежности в садри развился из маркера определенности и в основу такого развития легло контактное влияние языков мунда, распространенных на той же территории. Однако фактов, подтверждающих именно такое развитие, нет. Вместе с этим показатель *-har* в садри употребляется по большей части в сочетании с терминами родства и омонимичен показателю определенности в чхаттисгархи, что говорит о возможном общем источнике — рефлексе *apara*, изначальном показателе ассоциативной множественности. Так, показатель ассоциативной множественности мог развиваться сначала в показатель семейной принадлежности, а затем уже шире — неотчуждаемой принадлежности. В таком случае становится понятным, почему маркер неотчуждаемой принадлежности в садри имеет только одну форму — форму 3 лица, а остальная посессивная парадигма при этом в языке не развита. Категория неотчуждаемой принадлежности не характерна для индоарийских языков, зато встречается во многих мунда. При этом садри не просто находится в постоянном контакте с языками мунда, а еще и является лингва-франка для многих мунда и дравидийских малых народностей. Поэтому гипотеза о контактном влиянии, выдвинутая в [Peterson 2010], представляется нам вполне обоснованной.

1.10. Мальви и каннауджи

Предположительные потомки др.-инд. *apara* в ассоциативной функции встречаются также в западных новоиндийских языках. Так, авторы работ [Grierson 1908: 55; 1916: 85;

Turnbull 1923/1992: 27], а затем [Masica 1991: 229] обращают внимание на сходство плюральных показателей в непали с периферийными плюральными маркерами в мальви, одном из языков идиома раджастан (*-hōr*, *-hōrō*, ср. *bāp-hōr* ‘отцы’, *bēī-hōrō* ‘дочери’), и каннауджи, относящемуся к западному хинди (*-hwār*, *-hwāru*, ср. *ham-hwār* ‘мы’). Однако более подробного анализа в работах не приводится. Можно только заметить, что существительные в примерах из мальви — это термины родства.

2. Другие способы выражения ассоциативной множественности в новоиндийских языках

Приведенный выше материал показывает, что конструкция с рефлексом древнеиндийского *apara*, употребляемым в постпозиции к имени, представлена во многих новоиндийских языках разных ареалов и, насколько можно судить, изначально маркировала ассоциативную множественность. Но это не единственное возможное средство выражения ассоциативной и, шире, репрезентативной множественности в новоиндийских языках. Так, в **хинди**, где аддитивная множественность выражается флективно, распространена конструкция с существительным *log* ‘люди’, употребляющимся в постпозиции к личным именам и местоимениям, и такая конструкция маркирует все типы множественности. Например, выражение *rājā log* может означать: ‘раджи (в количестве более одного)’ (аддитивная множественность), ‘раджа и его семья’ (ассоциативная множественность), ‘раджи и подобные им правители’ (симилятивная множественность); а сочетание *Pūjā log* — ‘несколько девушек по имени Пуджа’, ‘Пуджа и ее семья/друзья’, ‘Пуджа и такие как она’. Таким же образом выражается репрезентативная множественность в бходжпури, ср. *Rām log* ‘Рам и остальные’, а также, возможно, и в других новоиндийских языках, в которых, наряду с флексией, распространен аналитический плюральный показатель *log ~ lok*, грамматикализовавшийся из существительного со значением ‘люди’, как то авадхи, банджари, магахи и др. [Зограф, Оранская 2011: 100; Краса 2011: 153; Зограф 2011: 319; Варма 2011: 342; Singh et al. 2014: 106].

Ассоциативная множественность подробно изучалась в **бенгали**, см. [Biswas 2014; David 2015] и др.: за ее выражение отвечает плюральный аффикс *-ra*, присоединяющийся к одушевленным существительным, ср. (12). Согласно [Bloch 1965: 154] и др., аффикс возник из сочетания генитивного показателя *-rā* с местоимением *sab* ‘все’ в раннем бенгали с последующим отпадением *sab*. С точки зрения диахронической типологии генитивные показатели являются одним из распространенных источников образования маркеров ассоциативной множественности [Mauri, Sansò 2019: 611–612; to appear: 13–14].

(12) БЕНГАЛИ [David 2015: 266]

ram-ra aś-b-e
Рам-PL прийти-FUT-HON.3
‘Придут Рам и его люди’.

Большой интерес в связи с рассматриваемым в статье явлением представляет выражение репрезентативной множественности в диалекте **марварри** города Джайсалмер: она выражается при помощи сочетания имени с постпозитивным склоняемым местоимением *bijo* ‘другой’, которое восходит не к *apara*, а к другой основе — др.-инд. *dvitīya* ‘второй’. Местоимение *bijo* в таком случае употребляется во множественном числе в дефолтном мужском роде, не согласуясь, таким образом, с именем по роду. У ассоциативных конструкций помимо собственно ассоциативной семантики может быть и гонорифическая, и тогда компонент множественности отсутствует, но такое возможно только с терминами родства:

МАРВАРИ, ДИАЛЕКТ г. ДЖАЙСАЛМЕР (полевые данные)

- (13) *bua*   *bij-a*   *a-yara*
 тетя   другой-М.РЛ   прийти-РФV.М.РЛ
 ‘Пришли тетя и ее семья’ / ‘Пришла (уважаемая) тетя’.

- (14) *Lallu*   *bij-a*   *a-yara*
 Лаллу   другой-М.РЛ   прийти-РФV.М.РЛ
 ‘Пришли Лаллу и его люди’ / * ‘Пришел (уважаемый) Лаллу’.

В связи с тем фактом, что рефлексy др.-инд. *apara* с изначальной функцией ассоциативной множественности были отмечены в большом количестве новоиндийских языков в разных ареалах и, в частности, в территориально близких к марвари диалектах лахнда, а рефлексy *dvitīya* в аналогичной функции были найдены на данный момент только в марвари, можно предположить, что конструкция, выражающая репрезентативную множественность в марвари, возникла по аналогии с ‘Х ДРУГИЕ (< *apara*)’ и является грамматической калькой.

3. Показатели ассоциативной множественности (< др.-инд. *apara* ‘другой’) в типологическом освещении и некоторые выводы

В данной работе на материале современных новоиндийских языков были выявлены и проанализированы показатели ассоциативной множественности, восходящие к древнеиндийскому местоимению *apara* ‘другой’, а также исследованы случаи развития этих показателей в другие грамматические единицы.

Сама грамматикализация местоимения ‘другие’ в показатель ассоциативной множественности на первый взгляд кажется типологически тривиальной: в частности, именно это слово часто используется для перевода ассоциативных форм на языки, в которых отдельный показатель ассоциативности отсутствует, ср. ‘Х и другие’, ‘Х and others’ и т. д. Однако по данным современных типологических работ, посвященных развитию показателей ассоциативной множественности в языках мира [Mauri, Sansò 2019; to appear], непосредственно местоимения ‘другой, другие’ на данный момент не было зафиксировано как источник грамматикализации показателей ассоциативной множественности.

При этом для новоиндийской конструкции ‘Х ДРУГИЕ’ можно указать по крайней мере одну типологическую параллель: плюральные формы личных местоимений в романских языках. Поскольку старые плюральные формы во многих языках часто начинают употребляться по отношению к одному лицу (в частности, для обозначения уважительности), для заполнения получившихся лакун в парадигме образуются новые местоимения. Во многих современных романских языках плюральные формы личных местоимений имеют в своем составе компонент ‘другие’, ср. испанское *vosotros*, каталанское *vosaltres*, галисийское *vosoutros* и *vous autres* в квебекском французском для обозначения местоимения ‘вы’: все они построены по модели ‘вы + другие’. При помощи сочетаний с именами образуются плюральные местоимения и в других европейских языках, ср. англ. *you guys* (‘вы + ребята’), *y’all* (‘вы + все’), нидерл. *jullie* (< *gij lieden* ‘вы + ребята’) и др. [Бабаев 2009: 124]. Такие стратегии грамматикализации схожи с теми, которые были отмечены в этой работе применительно к формам ассоциативной множественности, и это объяснимо. Согласно [Даниэль 2000], личные местоимения 1 и 2 лица мн. ч. в основном соотносятся именно с репрезентативной множественностью.

На исследованном материале можно сделать вывод, что показатели ассоциативной множественности, восходящие к древнеиндийскому местоимению *apara*, встречаются во многих новоиндийских языках, при этом только в небольшом количестве языков они

сохранились в своей изначальной функции. Из рассматриваемых в работе языков только про гархвали и диалекты чхаттисгархи можно утверждать, что потомки *apara* до сих пор функционируют в них как показатели ассоциативной множественности. В панджаби такая функция у показателей сохраняется в качестве периферийной. В остальных языках изначальные показатели ассоциативной множественности преобразовались в другие грамматические единицы. В некоторых случаях можно предполагать, что преобразование произошло под влиянием контактных неиндоарийских языков. В таблице представлены грамматические единицы, получившиеся в результате развития изначальных показателей ассоциативной множественности, восходящих к др.-инд. *apara* (включая сам показатель), с указанием новоиндийских языков, в которых они отмечены, а также групп неиндоарийских языков, контактное влияние которых предположительно повлияло на стратегию развития.

Таблица

**Развитие грамматического значения
изначальных показателей ассоциативной множественности,
восходящих к др.-инд. *apara*, в новоиндийских языках**

	Грамматическое развитие	Предположительное контактное влияние
Ассоциативная множественность (гархвали, диалекты чхаттисгархи, панджаби)	Множественное число от терминов родства (кумаони, мальви?)	—
	Гонорифичность (куллуи, бхадравахи, панджаби, лахнда)	—
	Аддитивная и репрезентативная множественность (непали)	Тибето-бирманские языки
	Определенность (чхаттисгархи)	Языки мунда
	Неотчуждаемая принадлежность (садри)	Языки мунда

Среди перечисленных в работе стратегий грамматического развития показателей ассоциативной множественности, восходящих к *apara*, внутриязыковыми факторами можно объяснить только образование гонорифической частицы и аффикса нестандартного множественного числа от терминов родства. Использование различных плюральных форм для выражения гоноратива представляет собой типологически распространенное явление. Похожее развитие гонорифических форм можно отметить в тюркских языках. В турецком языке, согласно [Görgülü 2011: 72–73], аффикс *-lar / -ler* в функции аддитивной множественности следует отличать от такого же аффикса в функции ассоциативной множественности, поскольку они различаются как семантикой, так и порядком следования морфем: в аддитивном значении плюральный аффикс предшествует посессивному (15), тогда как в ассоциативном значении — следует за ним (16).

Турецкий [Görgülü 2011: 72–73]

- (15) *teyze-ler-im*
тетя-PL-1SG.POSS
'мои тети'

- (16) *teyze-m-ler*
тетя-1SG.POSS-APL
'моя тетя и ее семья / друзья'

В узбекском языке существует аналогичное явление: плюральный аффикс может предшествовать посессивному маркеру и следовать за ним. В случае, когда аффикс следует за посессивным маркером, он употребляется применительно к терминам родства

и является не показателем ассоциативной множественности, как в турецком, а гонорифическим аффиксом, см. [Кононов 1960: 79; Türker 2019: 13–14].

УЗБЕКСКИЙ [Türker 2019: 13–14]

- (17) *opa-lar-im*
сестра-PL-LSG.POSS
'мои сестры'

- (18) *opa-m-lar*
сестра-LSG.POSS-PL(HON)
'моя (уважаемая) сестра'

На основании разницы в порядке морфем в [Türker 2019: 13–14] также указывается, что аддитивный и гонорифический показатели *-lar* следует считать разными морфемами. При этом ассоциативное употребление *-lar* в узбекском тоже возможно: *Шариф-лар* 'Шариф и его семья' [Кононов 1960: 79]. Интересно, что как в узбекском, так и в марвари ассоциативный показатель преобразуется в гонорифическую частицу только применительно к терминам родства, тогда как в сочетании с именами собственными подобного развития не происходит.

Наличие ассоциативной семантики у плюрального аффикса отмечается во многих тюркских языках: в казахском, башкирском, чувашском, татарском, хакасском, тофаларском, крымскотатарском, гагаузском, уйгурском и др. (по данным WALS¹⁰). При этом гонорифическое употребление плюрального аффикса применительно к лицу в единственном числе фиксируется еще в орхоно-енисейских надписях, ср. *kutlug bodis(a)vt-lar är-mäsär...* (благословенный бодхисаттва-PL быть-NEG-COND) 'если бы он не был благословенным бодхисаттвой' [Erdal 2004: 530]. Есть вероятность, что такое грамматическое развитие в тюркских языках получает именно ассоциативный, а не аддитивный показатель.

Развитие гонорифического показателя из маркера ассоциативной множественности отмечается и в языках банту. Именной префикс класса 2a в этих языках является плюральным маркером для слов без именного класса, к которым относятся прежде всего имена собственные и термины родства, поэтому обычно такой префикс маркирует ассоциативную множественность (языки этон, монго и др.), но иногда становится гонорифическим показателем (языки венда, бемба) [van de Velde 2006: 119, 127; Irvine 1992: 254].

На основании того, что преобразование маркера ассоциативной множественности в гонорифический показатель встречается в ряде языковых групп, можно говорить о том, что оно представляет собой типологически распространенное явление. В связи с этим встает вопрос о гонорифической множественности в принципе: не лежит ли в ее основе именно ассоциативная, а не аддитивная множественность.

В непали, чхаттисгархи и садри развитие показателей ассоциативной множественности в другие грамматические единицы с большой долей вероятности произошло под влиянием контактных неиндоарийских языков. Все три языка расположены в зоне постоянных контактов с тибето-бирманскими и мунда языками. Преобразование показателя ассоциативной множественности в стандартный плюральный аффикс, маркирующий все типы множественности, с типологической точки зрения не представляет собой исключительного явления, хотя в непали такое грамматическое развитие и следует считать результатом контактного влияния. Более интересен в этом отношении маркер определенности, возникший в чхаттисгархи и изначально в садри. Возможность такого развития свидетельствует о том, что ассоциативная множественность занимает в некотором смысле промежуточное положение между единичностью и аддитивной множественностью и в процессе преобразования в другую грамматическую единицу собственно компонент множественности может быть утрачен, как это происходит, в частности, в случае гонорифической частицы.

Многочисленные случаи преобразования в другие единицы показывают, что ассоциативная конструкция с потомками др.-инд. *apara* в новоиндийских языках является достаточно нестабильной. Интерес вызывает то, что она при этом не утрачивается совсем, а грамматически переосмысливается.

¹⁰ <https://wals.info/feature/36A#3/44.59/101.87>. Дата обращения — 26.08.2020.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

APL — ассоциативная множественность

APUD — апудэссивный послелог

COND — кондиционалис

CONJ — союз

COP — копула

DAT — дативный послелог

DEF — определенность

DIR — прямой падеж

ERG — эргативный показатель / послелог

F — женский род

GEN — генитивный показатель / послелог

HON — гонорифическая частица / показатель

INAL — неотчуждаемая принадлежность

INF — инфинитив

INSTR — инструментальный послелог

M — мужской род

OBL — косвенный падеж

PASS — пассивный залог

PFV — перфектив

PL — множественное число

POSS — показатель принадлежности

PRS — настоящее время

PST — прошедшее время

SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабаев 2009 — Бабаев К. В. О происхождении личных местоимений в языках мира. *Вопросы языкознания*, 2009, 4: 119–138. [Babaev K. V. On the origins of personal pronouns. *Voprosy Jazykoznanija*, 2009, 4: 119–138.]
- Бхандари и др. 2011 — Бхандари Бх., Банджаде Г., Ядав Й. П. Данувар язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 291–299. [Bhandari Bh., Banjade G., Yadav Y. P. The Danwar language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 291–299.]
- Бхандари, Чаудхари 2011 — Бхандари Бх., Чаудхари М. К. Тхару язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 310–317. [Bhandari Bh., Chaudhari M. K. The Tharu language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 310–317.]
- Варма 2011 — Варма М. Бходжпури язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 335–351. [Varma M. The Bhojpuri language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 335–351.]
- Даниэль 2000 — Даниэль М. А. *Типология ассоциативной множественности*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000. [Daniel M. A. *Tipologiya assotsiativnoi mnozhestvennosti* [Typology of associative plurals]. Ph.D. diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2000.]
- Дхакал, Ядав 2011 — Дхакал Д. Н., Ядав Й. П. Дараи язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 299–305. [Dhakal D. N., Yadav Y. P. The Darai language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 299–305.]
- Зограф 1976 — Зограф Г. А. *Морфологический строй новых индоарийских языков*. М.: Наука, 1976. [Zograf G. A. *Morfologicheskii stroi novykh indoariiskikh yazykov* [The morphological structure of Modern Indo-Aryan languages]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Зограф 2011 — Зограф Г. А. Бихари языки. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 317–322. [Zograf G. A. The Bihari languages. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 317–322.]
- Зограф, Оранская 2011 — Зограф Г. А., Оранская Т. И. Хинди язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 47–105. [Zograf G. A., Oranskaya T. I. The Hindi language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 47–105.]

- Кононов 1960 — Кононов А. Н. *Грамматика современного узбекского литературного языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. [Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern standard Uzbek]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1960.]
- Краса 2011 — Краса Д. Банджари / ламбади язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 146–165. [Krasa D. The Banjari / Lambadi language. *Yazyki mira: Novye indoiriiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 146–165.]
- Allasonnière-Tang, Kilarski 2020 — Allasonnière-Tang M., Kilarski M. Functions of gender and numeral classifiers in Nepali. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, 2020, 56(1): 113–168.
- Bahl 1975 — Bahl K. C. A grammatical sketch of Panjabi. *Grammatical sketches of Indian languages with comparative vocabulary and texts*. Nigam R. C., Sen S. (eds.). (Census of India: Language Monographs, Series 1961, Vol. 1. Language Division.) Delhi: National Government Publications, 1975, 77–108.
- Bailey 1904 — Bailey T. G. *Panjabi grammar: A brief grammar of Panjabi as spoken in the Wazirabad district*. Lahore: Punjab Government Press, 1904.
- Bailey, Cummings 1925/1994 — Bailey T. G., Cummings T. F. *Panjabi manual and grammar: A guide to the colloquial Panjabi of the northern Panjab*. New Delhi; Madras: Asian educational services, 1994 (1st edn. 1925).
- Bendix 1974 — Bendix E. H. Indo-Aryan and Tibeto-Burman contact as seen through Nepali and Newari verb tenses. *Contact and convergence in South Asian languages*. Southworth F. C., Apte M. L. (eds.). Trivandrum: [s.n.], 1974, 42–59.
- Bhatt 2007 — Bhatt H. *Garhwālī bhāṣā aur uskā sāhitya* [Garhwali language and literature]. New Delhi: Takshshila Prakashan, 2007.
- Bickel 2001 — Bickel P. *The Tibeto-Burman substrate in Nepali*. Paper presented at the Substrate Workshop, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, October 20, 2001.
- Biswas 2012 — Biswas P. Reanalyzing definiteness in Bangla. *Proc. of the 38th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Carpenter K. et al. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 2012, 19–30. <https://doi.org/10.3765/bls.v38i0.3270>.
- Biswas 2014 — Biswas P. Bangla associative plural *-ra*: A cross-linguistic comparison with Chinese *men* and Japanese *-tachi*. *Proc. of the 31st West Coast Conf. on Formal Linguistics*. Santana-LaBarge R. E. (ed.). Somerville (MA): Cascadilla Proceedings Project, 2014, 56–65.
- Bloch 1965 — Bloch J. *Indo-Aryan from the Vedas to modern times*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1965.
- Corbett 2000 — Corbett G. G. *Number*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Corbett, Mithun 1996 — Corbett G. G., Mithun M. Associative forms in a typology of number systems: Evidence from Yup'ik. *Journal of Linguistics*, 1996, 32: 1–17.
- Daniel, Moravcsik 2005 — Daniel M., Moravcsik E. Associative plurals. *World atlas of language structures*. Dryer M. S., Haspelmath M., Gil D., Comrie B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 150–153.
- Daniel, Moravcsik 2013 — Daniel M., Moravcsik E. The associative plural. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/36>.
- Dayal 2014 — Dayal V. Bangla plural classifiers. *Language and Linguistics*, 2014, 15.1: 47–87.
- David 2015 — David A. B. *Descriptive grammar of Bangla*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Dwivedi 2015 — Dwivedi A. V. Bhadravahi: A typological sketch. *Acta Linguistica Asiatica*, 2015, 5(1): 125–148.
- Erdal 2004 — Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill, 2004.
- Genetti 1994 — Genetti C. Introduction (with a sketch of Nepali Grammar). *Aspects of Nepali grammar*. Genetti C. (ed.). Santa Barbara: Univ. of California, 1994.
- Gonda 1954 — Gonda J. The history and original function of the Indo-European particle *k^{ue}*, especially in Greek and Latin. *Mnemosyne*, 1954, 7(1): 177–214.
- Görgülü 2011 — Görgülü E. Plural marking in Turkish: Additive or associative? *Working Papers of the Linguistics Circle*, 2011, 21(1), 70–80.
- Grierson 1903 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. V, part II. Calcutta, 1903.
- Grierson 1908 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. IX, part II. Delhi-Varanasi Patna, 1908.
- Grierson 1916 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. IX, part IV. Delhi-Varanasi Patna, 1916.
- Grierson 1919 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. VIII, part I. Calcutta, 1919.
- Irvine 1992 — Irvine J. T. Ideologies of honorific language. *Pragmatics*, 1992, 2.3: 251–262.
- Joshi 2009 — Joshi M. P. Advent of polities in Uttarkhand (Kumaon and Garhwal) (Collection of Kumau-ni inscriptions). *Bards and mediums: History, culture, and politics in the Central Himalayan kingdoms*. Lecomte-Tilouin M. (ed.). Almora: Shri Almora Book Depot, 2009, 327–371.

- Joshi 2010 — Joshi M. P. On the origin of the Neo Indo-Aryan Pahadi language of Uttarakhand and Western Nepal Himalaya. *Lingua posnaniensis*, 2010, LII(2): 51–65.
- Joshi, Negi 1994 — Joshi M. P., Negi V. S. Was there a Central Pahari? An appraisal of Grierson's classification of three Pahari languages groups. *Himalaya: Past and present*. Vol. III. Joshi M. P., Fanger A. C., Brown C. W. (eds.). Almora: Shree Almora Book Depot, 1994, 259–273.
- Kavyopadhyaya 1921 — Kavyopadhyaya H. L. *A grammar of the Chhattisgarhi dialect of Eastern Hindi*. Calcutta: Baptist Mission Press, 1921. Transl. from Hindi.
- Kellogg 1876/1955 — Kellogg S. H. A. *Grammar of the Hindi language: in which are treated the Standard Hindi, Braj, and the Eastern Hindi of the Ramayan of Tulsi Das, also the colloquial dialects of Marwar, Kumaon, Avadh, Baghelkhand, Bhojpur, etc. with copious philological notes*. 3rd edn. London: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1955 (1st edn. 1876).
- Masica 1986 — Masica C. P. Definiteness marking in South Asian languages. *South Asian languages: Structure, convergence and diglossia*. Krishnamurti B., Masica C. P., Sinha A. K. (eds.). Delhi: Motilal Banarsidass, 1986, 123–146.
- Masica 1991 — Masica C. P. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Mauri, Sansò 2018 — Mauri C., Sansò A. Linguistic strategies for ad hoc categorization: Theoretical assessment and cross-linguistic variation. *Folia Linguistica*, 2018, 52: 1–35.
- Mauri, Sansò 2019 — Mauri C., Sansò A. Nouns & Co. Converging evidence in the analysis of associative plurals. *Language Typology and Universals (STUF)*, 2019, 72: 603–626.
- Mauri, Sansò, to appear — Mauri C., Sansò A. Heterogeneous sets: A diachronic typology of associative and simulative plurals. To appear in *Linguistic Typology*. https://www.academia.edu/40520091/Heterogeneous_sets_A_diachronic_typology_of_associative_and_similative_plurals.
- Moravcsik 2003 — Moravcsik E. A semantic analysis of associative plurals. *Studies in Language*, 2003, 27: 469–503.
- Peterson 2010 — Peterson J. Language contact in Jharkhand: Linguistic convergence between Munda and Indo-Aryan in Eastern-Central India. *Himalayan Linguistics*, 2010, 9(2): 56–86.
- Schackow 2015 — Schackow D. *A grammar of Yakkha*. (Studies in Diversity Linguistics, 7.) Berlin: Language Science Press, 2015.
- Schikowski 2013 — Schikowski R. *Object-conditioned differential marking in Chintang and Nepali*. Zurich: Univ. of Zurich, 2013.
- Schmidt 1993 — Schmidt R. L. *A practical dictionary of modern Nepali*. [S.l.]: Ratna Sagar, 1993. <https://dsal.srv04.uchicago.edu/dictionaries/schmidt/>.
- Singh 1895 — Singh M. *The Panjabi dictionary*. Lahore: Munshi Gulab Singh & Sons, 1895. <https://dsal.srv04.uchicago.edu/dictionaries/singh/>.
- Singh et al. 2014 — Singh Sh., Kumar R., Atreya L. Politeness in language of Bihar: A case study of Bhojpur, Magahi, and Maithili. *International Journal of Linguistics and Communication*, 2014, 2(1): 97–117.
- Srivastava 1962 — Srivastava D. *Nepali language: Its history and development*. Calcutta: Calcutta Univ. Press, 1962.
- Turnbull 1923/1992 — Turnbull A. *Nepali grammar & vocabulary*. New Delhi: Asian Educational Services, 1992.
- Turner 1962–1985 — Turner R. L. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. London: Oxford Univ. Press, 1962–1985. <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas/>.
- Türker 2019 — Türker L. *Noun phrases in article-less languages: Uzbek and beyond*. Amsterdam: John Benjamins, 2019.
- Upreti 1976 — Upreti B. D. *Kumāunī bhāṣā kā adhyayan* [A study of the Kumaoni language]. Allahabad: Samriti Prakashan, 1976.
- van de Velde 2006 — van de Velde M. L. O. The alleged class 2a prefix *bò* in Eton: A plural word. *Proc. of the 31st Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Special session on languages of West Africa*. Cover R., Kim Y. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 2006, 119–130.
- van Driem 1993 — van Driem G. *A grammar of Dumi*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Vassilieva 2005 — Vassilieva M. *Associative and pronominal plurality*. Ph.D. diss. Stony Brook (NY): Stony Brook Univ., 2005.
- Woolner 1928 — Woolner A. *Introduction to Prakrit*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1928.